

“Человек перестал быть обезьяной, победил обезьяну в тот день, когда написана первая книга. Обезьяна не забыла этого до сих пор: попробуйте, дайте ей книгу — она сейчас же ее испортит, изорвет, изгадит”.

Евгений Замятин.
“Для сборника о книге”.
23.XII.1928.

Эти слова писателя иносказательно метят в цензоров, нещадно преследовавших и травивших Замятина вплоть до его отъезда в 1931 году. Написаны они, по моим предположениям, для сборника “Венок книге”, готовившегося к печати в 1929 году П.Витязевым (Ф.Седенко), известным издателем и борцом за свободу печати в советское время (погиб в годы Большого террора). Но время было упущено, наступил “год великого перелома”, сборник был запрещен (возможно, именно из-за этих слов) и, уже набранный, так и остался в корректуре. (См. нашу публикацию: “Венок книге”. — Книга. Исследования и материалы. М., 1982. Сб. 45, с.165-174.)

Власть и бессмысленную жестокость “обезьян”, приставленных к литературе, Замятину приходилось испытывать постоянно: “изорваны”, “изгажены” многие его книги. Впервые, надо сказать, пришлось столкнуться Замятину с цензурой в самом начале творческого пути — еще в дореволюционное время. Цензурным репрессиям подвергся в 1913 году журнал “Заветы” за публикацию в 3-м номере его повести “На куличках” — гротескного изображения “фантастического” быта затерянного провинциального гарнизона. Петербургский цензурный комитет расценил эту повесть как “клевету на русскую армию”, автор и редактор были привлечены к суду, а сам номер журнала конфискован. (Напомним, что по уставу 1906 года предварительная цензура была вообще отменена, и номер журнала “Заветы” вместе со злополучной повестью был все же в публичном судебном заседании).

Ровно десять лет спустя, в 1923 году, имя Замятина вновь появляется в цензурных документах, на сей раз тщательно засекреченных, и с тех пор коммунистическая цензура не выпускает его из поля зрения. Тогда Замятин попал даже в

Арлен Блюм

Во власти обезьян: Евгений Замятин под советской цензурой

сверхсекретный “Бюллетень Главлита” за апрель 1923 года, печатавшийся на машинке в 12 “именных” экземплярах, расславшихся верхушке тогдашнего политического руководства: “Совершенно секретно. 1-й экз. — тов. Ленину, 2-й — тов. Троцкому, 3-й — тов. Сталину...” Среди “нежелательных к допуску в Сов. Россию” русских изданий в нем фигурирует, в частности, берлинский альманах “Завтра”, выпускавшийся издательством “Петрополис” в 1923 году, с такой характеристикой:

«“Завтра”. Литературно-публицистический сборник под редакцией Евг. Замятина, М.Кузмина, М.Лозинского. Журнал с большим основанием носил бы название “Вчера”, чем “Завтра”. Все устремления относятся к недавнему прошлому литературной России: 1. Защита крайнего индивидуализма. 2. Полнейшее игнорирование общественной жизни. 3. Мистицизм. 4. Изысканность форм и положений. Для чтения широкой массе не только не нужен, а вреден, будучи идеологически враждебен тенденциям современности» (ЦГАЛИ Спб. Ф.31, оп.2, д.13, лл.112.)

В замечательном дневнике К.Чуковского не раз упоминаются цензурные репрессии против журнала “Русский современник”, выходившего в Петрограде в 1924 году “при ближайшем участии М.Горького, Евг. Замятина, А.Н.Тихонова, Абр. Эфроса”. Уже первый номер “вызвал в официаль-

Ю. Анненков.

Портрет Евгения Замятина. 1921.

ных кругах недовольство: — Царизмом разит на три версты. — Недаром у них обложка желтая. Он же рассказывает о бесчисленных своих и замятинских мытарствах в петроградском Гублите, где журнал курировал некий “юноша Петров... несомненно беззаботный по части словесности”. (К.Чуковский. Дневник. 1901-1929. М., 1991, с.274, с.274, 288.)

Воинствующий налитпостовец, критик Г.Лелевич потребовал в статье «Несовременный “Современник”» (журнал “Большевик”, 1924, №5-6) “немедленных и серьезных шагов в целях противопоставления фронту Замятиных, Чуковских, Сологубов, Пильняков фронта пролетарской и революционной литературы”. Требование было вскоре учтено: на 4-м номере этот лучший журнал своего времени прекратил

свое существование. Пятая книжка журнала, уже набранная, в которую, в частности, должны были войти главы из романа Замятина “Бич Божий”, так и осталась в корректуре. (Подробнее о судьбе журнала и участии в нем Замятина см.: М.Чудакова. Еретик, или Матрос на мачте. — Е.Замятин. Сочинения. М., 1988, с.504-510.)

Разумеется, имя Замятина попало в сферу внимания контролирующих инстанций не случайно. Несмотря на то, что он сознательно выбрал свой путь, решив остаться на родине и разделить “общую судьбу”, не чуждый своеобразного “скифства”, хотя и далекий от евразийско-сменовеховского движения, охватившего некоторую часть интеллигенции, Замятин довольно скоро понял суть и смысл произошедшей катастрофы. Он вовсе не отрицал необходимости революции и даже ее правомерности, но вскоре услышал за ее “музыкой” скрежещущую какофонию. В силу этого, начиная с 1922 года, критика неизменно считала его произведение “пасквильными” и “контрреволюционными”. Он был “усомнившийся революционер”, “еретик”, что являлось еще более опасным, чем открытый противник власти коммунистов: с тем, по крайней мере, понятно, что нужно делать... Совершенно справедливо пишет об этом современный исследователь: “...отклонение от ортодоксии победившей революции оценивалось еще резче, чем изначально ей противостояние... борьба с бывшими единомышленниками становится главным содержанием общественно-политической жизни”. (М.Чудакова. Ук. соч, с.517.)

Известно, что Замятин дважды подвергался арестам: первый раз в феврале 1919 года вместе с Р.Ивановым-Разумником и А.Блоком по

делу “левых эсеров”, но вскоре выпущен “без последствий”. Второй раз — в августе 1922 года, когда его имя было включено в список лиц, высылаемых из РСФСР “бессрочно”, но хлопоты друзей уберегли его от участи насильственно высланных осенью этого года на знаменитом “философском пароходе” крупнейших деятелей русской науки и культуры. Особое раздражение властей и официальной критики вызвало его блистательное эссе “Я боюсь”, опубликованное в 1921 году в 1-м номере журнала “Дом искусств”. По словам самого Замятина, сказанным в 1929 году, оно стало “едва ли не исходным пунктом всей восьмилетней газетной кампании против меня”. (Е.Замятин. Сочинения. М., 1988, с.564 [комментарии Е.Барабанова])

Особенно возмутили строителей “новой пролетарской культуры”, “юрких”, как их называл Замятин, писателей и критиков-приспособленцев, заключительные слова эссе, ставшие уже афоризмом: “Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое”.

Несмотря на постоянную травлю, книги Замятина все же поначалу продолжали выходить, театры с большим успехом ставили его пьесы. Объявленный изп, открытие массы частных и кооперативных издательств, закулисные игры власти с “попутчиками”, талант которых она хотела поставить на службу революции, — все это в известной мере создавало в 20-е годы относительно “вегетарианскую”, по словам Анны Ахматовой, культурную ситуацию. Но не стоит и преувеличивать степень такого “вегетарианства”: погиб, как уже говорилось раньше, редактировавшийся Замятиным журнал “Русский современник”, так и не вышел на родине роман “Мы”, не раз анонсированный в 1922-1923 гг. в журналах и сборниках.

Санкт-Петербург

Продолжение следует.